

СУБКУЛЬТУРА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ ИЛИ ПОИСК СМЫСЛОВ

*– Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост:
зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.
– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить.*

А. де Сент-Экзюпери, "Маленький принц"

Огромные, подведенные черной тушью глаза на белом от пудры лице, волосы, не поддающиеся укладке, иначе говоря, торчащие во все стороны, цвета вороньего крыла, и черная одежда. А может быть и так – "волосатые", люди в черно-розовом одеянии с опущенной на пол-лица челкой, преимущественно в депрессивном настроении, с огромным количеством металла во всем теле и пр. Они не пришельцы... Они – представители субкультур современных молодежных объединений.

Их появление в России ознаменовали бурные девяностые годы. Но еще в начале семидесятых американский публицист О. Тоффлер писал, что общество переживает эпоху "взрывообразного роста субкультур, дробления общества на мини-культуры". Мини-культуры, по его мнению, способствовали духовной и социальной стратификации, усилению влияния моды и внешних символов, характерных для той или иной группы. В условиях "массового общества" многообразие субкультур становится отличительной чертой культуры в целом, а значение субкультур в жизни подростков неизмеримо возрастает.

Всплеск субкультурной активности современных российских подростков скорее свидетельствует о вызове сложившейся ситуации в стране. Ориентация на культурологический подход (С.Я. Матвеева, А.А. Краснов, Н.Д. Саркитов, С.Н. Иконникова) позволяет рассмотреть субкультуру как объективную реальность, культуру в культуре, появляющуюся тогда, когда монолитная культура "разламывается" и создается культурная "щель", незаполненное культурное пространство, поле. Такие незаполненные поля образуются тогда, когда монолитная культура уже не в состоянии регламентировать весь ход социальной жизни. То есть, по мере изменения существующих условий как со стороны "внешнего" мира (материальные явления), так и со стороны "внутреннего" (мира сознания), культура претерпевает множество изменений. Обладая набором традиционных ценностей, культура должна удовлетворять базисные человеческие потребности, однако этого не происходит. И в этом случае инструментом обновления и адаптации культуры служит субкультура, которая позволяет традиционную, инертную, консервативную культуру сделать "живой", наполняя ее подростковыми смыслами и предъявляя новые ценности, которые могут либо приниматься, либо отвергаться обществом.

В постперестроечное время, безжалостно поломав и обесценив то, что было, и, не предложив ничего нового взамен, мы поставили взрослеющее поколение в условия вакуума – образовательного, духовного, мотивационного. А, как известно, человек не может жить в пустоте, он должен обязательно "прислониться" к чему-либо, иметь опору, "почву под ногами", отражать в себе мир и самому отражаться в мире. Так и появились субкультуры молодежных объединений. Российская субкультура молодежных объединений формировалась как явление на образах западных субкультур и в современном ее состоянии приобрела свои особенности.

Как отмечают современные социологи, культурологи, философы, педагоги, несмотря на сорокалетнее исследование проблемы субкультуры молодежных объединений, все еще остается неясным, что является основополагающим фактором ее развития. Кроме того, само понятие субкультура имеет несколько трактовок в зависимости от позиции его рассмотрения. Существуют также различные трактовки взаимоотношения субкультуры и "взрослого" общества. Одни

считают, что субкультура - это всего лишь способ перехода нового поколения во взрослый мир, своеобразный полигон, на котором отрабатываются приемы, которые молодым людям придется применять в будущей взрослой жизни, шлифуется адаптивный механизм. Другие подчеркивают оппозиционную по отношению ко взрослому миру сущность субкультуры, а ее "контр"-компонент называют "школой нонконформизма". Мы же считаем, что субкультура молодежных объединений сочетает в себе противоречивые, но взаимообуславливающие тенденции, воспроизводящие те функциональные структуры социокультурного целого, напряженное единство и борьба которых и составляет культурную жизнь общества. Соответственно этот феномен становится важным средством эволюционного обновления и трансформации общества в пост-современное. Тем не менее, каждая субкультура характеризуется наличием символов, атрибутов, наделенных и наделяемых смыслами, доступными и понятными ее представителям. Взрослые же не всегда могут объяснить, почему подросток уходит в молодежные объединения с особой субкультурой. Но для многих подростков нет ничего яснее и понятнее, потому что субкультуры наполнены для них значимыми смыслами. Поэтому, если мы желаем подобрать "ключи от тайного мира детства", нам необходимо не только знать содержательное наполнение субкультур, но и "обнаружить их смысл". Если перенести разговор в практическое русло, то следует отметить, что последнее будет способствовать наилучшему пониманию современных подростков и конструированию способов взаимодействия с ними. *Именно в этом аспекте субкультура становится педагогической проблемой и предметом компетенции педагогики.*

Базируясь на онтологическом подходе, мы понимаем, что можем лишь описать и понять субкультуру, так как бытийный подход исключает для исследователя вопрос "что такое хорошо и что такое плохо?" Бытие есть и потому нуждается в рассмотрении и понимании того, "как с ним быть". Также и субкультура молодежных объединений существует, и каждый человек на определенном жизненном этапе сталкивается с ней. Одни подростки находят в себе силы противостоять неблагоприятным последствиям пребывания в данных объединениях. А другие, особенно "дети риска, трудные подростки", не найдя поддержки и понимания у окружающих, объединяются в сообщества, основанные часто на социально индифферентных псевдоценностях, противопоставляя себя культуре и представляя собственное видение жизни, взаимоотношений, ценностей, создающих иллюзию полноценной духовной жизни. Проблемные подростки именно таким способом ищут себя и смысл своего бытия.

Для того чтобы действительно понять сущность и содержание современных субкультур молодежных объединений, необходимо выявить и извлечь "подростковые смыслы" из качественных характеристик, признаков, атрибутов субкультуры как реального бытия, содержательного наполнения пространства детства. Однако часто взгляд общественности ложится исключительно на внешние атрибуты, символику молодежных объединений и не выходит за границы их описания. С одной стороны, это понятно и легко объяснить, так как необычный внешний вид и подчас "странности" в поведении бросаются в глаза и отвлекают взрослых от сути и внутренней подоплеки явления. Хотя за этими внешними проявлениями в молодежной среде стоит огромный смысл: атрибутика здесь подобна своеобразному языку, кодировочной системе, посредством которой возможно установление коммуникации со "своими", выделение себя из общества и т.д. Символы молодежных объединений выполняют те же функции, что и язык. С другой стороны, существует скрытая опасность за рассмотрением внешнего забыть о внутреннем и остаться на уровне изучения только формы, а не содержания. Несомненно, через внешние символы открывается значительная часть сущности и истории субкультур, однако этого явно недостаточно для изучения субкультуры, ее функций, объективной оценки той роли, которую она выполняет для подростка. Потому важно изучать не только внешние атрибуты субкультур, но и внутренний контекст, чтобы получить полную информацию об объединениях современных подростков.

Исследователи (М.В. Осорина, С.И. Левикова, А.В. Мудрик, С.Н. Иконникова, С.В. Косарецкая и др.) выделяют следующие признаки, атрибуты, которые характеризуют субкультуру: специфический фольклор, правовой кодекс, юмор, магия и мифотворчество, философствование,

табуирование личных имен, специфический стиль жизни и поведения, своеобразные нормы, ценности, наличие более или менее явного инициативного центра, статусную структуру, предпочитаемые источники информации, эстетические пристрастия и т.д.

Рассмотрим их подробнее и выявим, что каждый атрибут, признак может дать воспитателю, который пытается познать субкультуру молодежных объединений, определить ее воспитательный потенциал через понимание и извлечение "личностных смыслов" подростков.

Идеологические ценности, то есть проект, предложения изменения мира в определенных направлениях, отражаются в субкультурном мифе. Швейцарский исследователь А. Гутгенбуль указывает на то, что детские и подростковые группы в целях своей идентификации нуждаются в комплексе идей и представлений, которые отличали бы их от других. Миф наделяет данное поколение и время ореолом неповторимости и уникальности. Он должен отвечать следующим требованиям: иметь к подросткам непосредственное отношение, "служить сколом их бытия" и "не иметь ничего общего с миром взрослых в детском понимании...быть его антиподом и собирательным понятием всего, чего взрослые избегают", то есть быть субкультурой. А. Гутгенбуль отмечает, что "нет ни одной детской группы, для которой не были бы характерны поиски мифа, гарантирующего ей уже в настоящем приобщение к чему-то ценному и непреходящему. В силу того, что ни одно поколение не желает влиться в современное ему общество тихо и незаметно, оно требует воспринимать его в качестве уникального со ссылкой на самоизобретенную легенду, цитируемую при всевозможных столкновениях с оппонентами" [5, с. 26]. Миф становится основой отношений подростков с окружающим миром, придает осмысленность их существованию. Каким же образом формируется данный миф (архитипический образ)? Швейцарский исследователь полагает, что дети конструируют его из потока информации, которая обрушивается на них из мира взрослых, из СМИ, кино и музыкальной индустрии. Получаемая информация, символы, образы становятся материалом для самоидентификации, создания мифа. При этом выбор каждого поколения, по мнению А. Гутгенбуля, падает на субкультуру, отвечающую его внутреннему самоощущению. Исследователь пока-зывает, как в XX в. различные культурные центры олицетворяли определенный миф: Париж – экзистенциализм, провозглашающий недоверие к науке, бесцельность человеческого существования и бесплодность жизненной борьбы; Лондон - "битломанию"; Сан-Франциско - ненасилие "хиппи"; негритянские кварталы Нью-Йорка - "рэп", "граффити", образ уличного бойца. В любом случае субкультурный миф базируется на представлениях, знаниях подростков об окружающем их мире.

Знание (картина мира в узком смысле). Картина мира представляет особую систему мировоззренческих знаний, которая включает в себя совокупность взглядов, смысловых отношений, охватывающих основные стороны взаимодействия ребенка с миром. На основе созданного образа происходит ориентация в жизненном пространстве, в том числе и в пространстве субкультур.

Педагог, родители, средства массовой коммуникации играют не последнюю роль в процессе формирования мировоззрения современных подростков. Если подросток ежедневно видит с телевизионных экранов и в своей собственной семье сцены насилия, непонимания, агрессии, то, выйдя на улицу, он либо найдет себя в антисоциальном объединении, так как пример может быть заразительным, так и в асоциальном объединении, так как он не желает жить в таком мире, он видит по-другому перспективы собственного развития и его окружение. Но есть и третий вариант – объединение просоциальной направленности, вхождение в которое может помочь понимающий, знающий, заинтересованный, небезразличный воспитатель, взрослый, который способен увлечь подростка совершенно иными идеями, реализующимися в позитивных поступках (помощь пожилым людям, борьба за чистоту окружающей среды и т.д.). С другой стороны, построение детской картины мира - это не столько отражение, сколько соиздание ребенком пространства отношений в идеальном плане. Оно предполагает активное вовлечение ребенка в воссоздание связей с окружающей действительностью как построение целостных отношений. А определение подростком себя в обществе как личности есть определение себя (самоопределение, занятие активной позиции) относительно социокультурных ценностей, и тем самым - определение смысла своего существования. Субкультура также имеет ценностно-

смысловую природу. Поэтому следующий признак субкультуры, отражающий содержание пространства бытия подростка – это ценности, ценностные ориентации.

Под ценностью следует понимать компонент социальной системы, наделенный особым значением в индивидуальном или общественном сознании. Ценностью может быть любой объект (материальный или идеальный) – как реальный, так и воображаемый – в том случае, если таковой объект служит фокусом стремлений, желаний групп или отдельных лиц. В.П. Тугаринов указывает и на то, что "ценности - это суть предмета, явления и их свойства... , а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели и идеала" [10, с. 261]. В любой системе ценностей можно выделить: 1) то, чему отдают предпочтение в наибольшей мере; 2) то, что считается нормальным, правильным; 3) то, что не одобряют, осуждают и - на крайнем полюсе – считают аморальным, преступным. То есть эта значимость может быть как положительной, так и отрицательной для человека (подростка), группы (субкультуры). В нашем случае можно выявить четкую закономерность между ценностями, которые подросток исповедует, и его нравственным выбором относительно субкультур молодежных объединений. Так конкретный набор ценностей различен в каждой из субкультур. Сравните хипповское: "Все, что тебе нужно, – это любовь", хакерское: "Жить, чтобы совершенствоваться, взломать, чтобы помочь, искать и не сдаваться". Так, например, подросток, для которого важна свобода, ценна человеческая жизнь, и он не приемлет войны, может найти себя в объединении хиппи. Соответственно, подросток на основе своего жизненного опыта, воспитанности способен разграничивать мир вещей и явлений, которые его окружают на значимые для него, существенные и незначимые, несущественные. Эти способности и есть ценностные ориентации. Наиболее адекватному толкованию ценностных ориентаций субъекта соответствует, на наш взгляд, определение в работе И.В. Бабуровой [1, с. 78], как "действенного проявления ценностных отношений субъекта, то есть его позиции, проявляющейся в действии". Ценностные ориентации - результат ценностного осмысления жизни, сложной духовной деятельности. Они составляют не только важную часть структуры личности, но основу ее. На основе ценностных ориентаций личность определяет свое место в мире субкультур. Это и есть ценностное самоопределение. Именно ценности, ценностные ориентации определяют выбор подростка в условиях субкультуры, который позволит ему проявить, найти себя.

В то же время каждая субкультура отличается и специфическим образом жизни, взаимоотношениями и статусной структурой, которые характеризуют в целом стиль и образ жизни субкультуры. Под стилем жизни мы понимаем социально-психологическую категорию, выражающую определенный тип поведения людей. Это понятие позволит сконцентрировать внимание на субъективной стороне человеческой деятельности, мотивах, формах поступков, повседневного поведения индивида. Образ жизни, соответственно, будет охватывать совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, принимаемого в единстве с условиями жизни, которые его определяют. Так для субкультуры панков, которая представлена подростками, проживающими, как правило, в бедных районах городов, средством к существованию был элементарный бандитизм, развлечения – драки, битье стекол. В основе идеологии – анархия и полное отрицание государства и социума, они отрицали ценности таких институтов как культура, семья, работа, образование, религия и т.д.

Совсем недавно самым модным течением в молодежной среде были рэйверы. Рэйв - не только музыка, но и яркие синтетические одежды, крашенные волосы (часто экзотически окрашенные в квадраты, круги), особые серьги, феньки, танец. Их жизнь – сплошное развлечение. Развлечение – не только дискотеки, наркотики и секс, но и кинематограф, живопись, режиссура – театр. Идеология рэйверов базируется на развлечениях и невмешательстве. Они не считают, что деньги им должны обязательно давать родители. Они согласны поработать, но там, где не нужно попотеть, добывая себе на пропитание. Это один из дорогих стилей жизни.

В то же время в каждой субкультуре есть свои либо официальные, либо негласные правила поведения, взаимоотношения и люди, отвечающие за их исполнение. Поэтому образ жизни индивида в культуре и субкультуре предполагает набор социальных ролей и статусов, выполняемых индивидом в разных обстоятельствах. Можно утверждать, что описать все возможные

обстоятельства вряд ли удастся, однако среди них можно выделить классы стандартных обстоятельств, в которые индивид попадает регулярно. В каждом классе таких обстоятельств человек выполняет определенную роль (как правило, одну). Инвариантный класс обстоятельств предполагает ограниченный набор ролей. Выполняя их, различные личности реализуют одни и те же требования институтов, выработанные для данных классов обстоятельств и способные быть отражением своеобразности субкультуры. Так, характеризуя субкультуру как "особую группу" или "метасистему групп", Т.В. Курчашова [8] указывает на наличие лидеров, членов, которые составляют структуру субкультуры и не членов. Группа с одним лидером, в которой все члены находятся в равном положении с точки зрения организации, называется простой. У таких групп нет второстепенных структур. Сложная субкультура представляет собой собрание подгрупп, каждая из которых обладает собственной внутренней организацией. В таких группах появляется сложная статусно-ролевая структура. В таких субкультурах подростки приобретают статусы и роли в зависимости от целей группы. Например, такие: лидер, идеолог, интегратор, регулятор, наставник, демонстратор. С.В. Косарецкая, Н.Ю. Синягина дополняют этот список статусов и ролей следующими [7]: генератор идей ("аналитик"), оппозиционер ("скептик"), коммуникатор ("дипломат"), психотерапевт ("примиритель"), специалист по досугу ("затейник"), "сплетник", "интриган", "козел отпущения". В соответствии с той ролью, которая отводится подростку в субкультуре, педагог может выявить, насколько значимо для него данное объединение и скоординировать способы "извлечения" подростка из объединения, если это необходимо, при условии его открытости. В то же время, проигрывая данные роли, подросток учится жить по правилам, с которыми ему придется столкнуться в будущем.

Закрепление функций в соответствии с отводимой в субкультуре ролью, своеобразие норм поведения, взаимодействия, взаимоотношений со сверстниками, а в том числе правил вступления и выхода из различных форм и видов деятельности осуществляется посредством фиксируемых и негласных норм, составляющих "правовой кодекс" субкультуры. Так, например, в Москве существует одно из самых крупных и устойчивых неформальных объединений молодежи-толкиенистов - Эгладор, по численности составляющее около десяти тысяч человек. Некоторые неписанные правила создают здесь ощущение защищенности и психологического комфорта любого "новенького" [3]. Все приходящие в Эгладор или другой клуб толкиенистов равны в правах и могут вести себя, как пожелают, если это не нарушает прав других; минимум вежливости при встрече и прощании обязателен; нельзя вмешиваться в поединок, если только это не поединок двух менестрелей; нельзя прерывать того, кто поет или играет на гитаре, пока он сам не остановится; желательно иметь игровое имя и прилагаяющуюся к нему историю и представляться этим именем; если по игровым именам и историям двое новых знакомцев являются врагами, как и в любом другом случае, доброжелательность является обязательной, нежелательно спрашивать настоящее имя, пока находишься в Эгладоре.

Признаки субкультуры, которые были перечислены выше, характеризуют скорее ее внутреннюю сущность, которую невозможно постичь, понять, узнать при первом приближении к ней. В то же время мы с легкостью можем узнать представителя той или иной субкультуры благодаря внешним атрибутам, которые, на первый взгляд, не несут глубокого смысла. Однако, это не всегда так. Рассмотрим, что же может извлечь думающий взрослый, педагог - специалист в области субкультур, глядя и воспринимая внешне доступные атрибуты субкультуры.

Каждая субкультура характеризуется системой символов. Глубокий анализ символизма субкультуры представлен в работе Т.Б. Щепанской "Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы". Символика, с одной стороны, привлекает, отбирает, объединяет, а с другой стороны, отгораживает субкультуру от доминирующей культуры, создавая барьер восприятия и понимания. А. Козн, например, вообще определяет сообщество как поле символики: "Реальность сообщества в восприятии людей, - пишет он, - заключается в их принадлежности к общему полю символов". И далее: "Восприятие и понимание людьми их сообщества... сводится к ориентации по отношению к его символизму" [6, с. 43]. Наличие своей символики создает возможность образования общности, поскольку обеспечивает средство коммуникации. Сим-

вол - оболочка, в которую упаковывается "своя" информация. Т.Б. Щепанская говорит о том, что сообщество должно маркировать свою информацию, отделяя ее от чужой, для достижения большей плотности коммуникации. Следовательно, символы, в которые упаковывается информация, должны быть контрастными, непохожими [12]. Символ работает через его интерпретацию. Исследователи (С.И. Левикова, Т.Б. Щепанская) выделяют всего четыре способа интерпретации символа, каждый из которых работает определенным образом, создавая определенную социальную структуру [9].

1. "Антинорма" – символ интерпретируется как противостоящий определенным ценностям, как протест против чего-либо. Пример: "длинные волосы - это неопрятность, неаккуратность". Эта трактовка символа создает "зону разрежения" на границах сообщества. Так интерпретируют символ люди, не принадлежащие к сообществу (особенно негативно к нему относящиеся). Такая трактовка символа позволяет отсеивать на границах сообщества "чужих", людей, заведомо противостоящих системе ценностей сообщества.

2. "Группа" – второй слой интерпретации символики, когда символ расценивается как принадлежность, отличительная характеристика сообщества. Пример: "длинные волосы – это у хиппи". Данная интерпретация создает собственно сообщество, его границу, отделяя "своих" от "чужих". Так интерпретируют символ либо люди, находящиеся вне сообщества, либо "новички". Кроме того, именно она позволяет безошибочно узнавать "своих", даже в незнакомых людях, что позволяет сообществу вбирать новых членов и осуществлять масштабные коммуникации.

Обе эти трактовки существуют на границах сообщества, они – поверхностны. Внутри же самого сообщества работают следующие ключи интерпретации.

3. "Норма" – символ интерпретируется как определенная положительная ценность, как выражение норм сообщества. Пример: "длинные волосы - это естественность, ненасилие над природой". Именно данная трактовка символа создает собственно сообщество, определяет его структуру, отражает систему ценностей. Т.Б. Щепанская рассматривает нормативную триаду хиппи: "свобода – любовь – духовность", отраженную в символике, как фактор формирования атомарной структуры сообщества. Так интерпретирует символ основная масса членов сообщества.

4. "Энергия" – мистически-эзотерическая трактовка символа как проявления некой "энергии". Пример: "длинные волосы - это связь с космосом, это как антенны, позволяющие улавливать энергетические колебания". Эта самая глубокая интерпретация символа, которая создает "элиту", верхушку сообщества, сеть хранителей традиции, людей, транслирующих нормы и ценности. У хиппи – это сеть "олдовых" или "энергетов". Т.Б. Щепанская указывает на то, что значение символа как "энергии", можно рассматривать как социальную поддержку.

Таким образом, четыре ключа к интерпретации символа создают саму структуру сообщества, обеспечивая его жизнеосуществление и отделяя его от остальной среды.

Педагог, да и вообще взрослый, должен понимать, что за каждым символом скрыт смысл, который можно извлечь, вскрыть, понять.

К первой группе относятся символы, объединенные вербальным способом выражения их содержания. Прежде всего, это средства коммуникации (сленг, жаргон), средства самоидентификации (название объединения, имена, прозвища), а также средства сохранения ценностной информации (фольклорные формы: девизы, легенды, притчи, поговорки, анекдоты, частушки, песни).

Подростково-юношеский сленг - явление многослойное, включающее две группы слов и выражений. Лексика сленга ограничена интересами подростков, то есть учебой в школе, модной одеждой, музыкой, общением с друзьями, проведением свободного времени и так далее. Сленг легко заимствует слова из жаргона компьютерщиков ("зависнуть, комп, клавиша"), из воровского арго ("забить стрелку, круто, беспредел"), сленга наркоманов ("кайф, бадяжить") и т.д. В нем иногда переосмысляются обычные русские слова ("обломать, достать, грузить"). Появляются в подростковом сленге и собственные словечки, например, "деци". Очень много слов было заимствовано из английского языка: "аск, бакс, пипл" и др.

Охарактеризуем представителя субкультуры хиппи, используя сленг. Подростки-хиппи носят длинные волосы (недаром они называют себя "волосатыми"), мешочек с документами на шее называется "ксивник", а на руке бисерный браслет. Любимые увлечения хиппи - путешествие автостопом по "трассе" или "сборища" в шумные "тусовки" и "сейшоны" – вечеринки, рок-концерты. То есть подростковый сленг - это пароль всех членов референтной группы, характеризующийся ярко выраженной экспрессией и экономией (С. Гойдова). Причем подростково-юношеский сленг чаще демонстрирует отторжение от нормы [4]. Тенденции подростково-юношеского сознания удовлетворяются ощущением свободы речевого поведения. Доводя эту тенденцию до крайности, молодежь, подростки иногда образуют весьма замкнутые сообщества, говорящие чуть ли не на особом языке. Попробуйте, к примеру, понять, о чем поет Борис Гребенщиков: "Хочу я всех мочалок застებაť".

Однако проблема существования сленга современных субкультур молодежных объединений не может исчерпываться порицанием. Остаются важные вопросы об источниках, питающих, в частности молодежный, подростковый сленг, о процессе возникновения сленгового слова, о продуктивных словообразовательных моделях и, наконец, о его функциях. С одной стороны, это адекватно отражает современные реалии жизни, действительно существующую подростковую субкультуру, которая стремится обособиться от культуры, но, с другой стороны, многие представители этих объединений не только не знают правила русского языка, но и не умеют на нем общаться. Что же в данном случае делать воспитателю, который, с одной стороны, является предьявителем нормативного русского языка, но, с другой стороны, если он хочет понять подростковую субкультуру, то он должен понимать и специфический подростковый язык. А это будет возможно лишь при условии заинтересованности обеих сторон.

Помимо специфического языка в каждой субкультуре есть "смеховые определения чужой группы", такие как анекдоты, дразнилки или частушки, которые позволяют исследователю остановить свое внимание на нормах и моделях поведения, с которыми может подросток столкнуться в субкультуре. По смеховому каналу в сообщество идет вполне определенная информация об окружении: это – информация о символах, по которым чужих можно опознать, и о нормах их поведения. Это та минимальная информация, которая уже может обеспечить взаимодействие: опознание чужих и понимание их действий, а также предвидение возможных реакций. Эта информация напрямую касается сферы отношений с чужими. Некоторые анекдоты (и шутки) фиксируют восприятие своего сообщества с позиции чужих – от этого и рождается комический эффект. По существу, анекдоты о себе просто фиксируют символы и нормы субкультуры. Вот один из анекдотов о хиппи: "Поймал хиппи золотую рыбку. – Давай твои три желания, – говорит рыбка, – я их выполню. – Сделай так, чтобы в Финляндии было татаро-монгольское иго. Сделала. Хиппи смотрит - финны по льду Финского залива в Эстонию побежали. – А второе желание? - говорит рыбка. – Сделай так, чтобы в Финляндии не было татаро-монгольского ига. Сделала. Смотрит хиппи: финны из Эстонии обратно в Финляндию побежали. – Ну, а третье желание? - Сделай так, чтобы в Финляндии было татаро-монгольское иго. – Хиппи, – говорит ему рыбка, – ты бы хоть для себя чего-нибудь пожелал. – Понимаешь, рыбка, очень я тусовки люблю: пипл туда, пипл обратно – кайф!" [11, с. 172] Поведение хиппи странно с точки зрения рыбки, которая здесь, надо полагать, представляет общепринятое сознание. С точки зрения же "системы", он получил как раз самое ценное – "тусовки", да такие многочисленные! А на "тусовке" можно найти главное – информацию.

Не менее важным атрибутом субкультуры является кличка. Они заменяют фамилии и служат способом внутригрупповой коммуникации. Кличка является средством внутригруппового социального "клеймения" подростков, которая закрепляет за ним определенные социальные роли в групповой иерархии. С.В. Косарецкая, Н.Ю. Синягина указывают, что для подростка куда важнее иметь "неблагозвучную кличку" чем не иметь ее совсем [9, с. 41]. То есть получение клички вместо имени является своеобразным "крещением" подростка. С их помощью в субкультуре молодежных объединений обозначаются одобряемые и неодобряемые качества, способы поведения. В них отражаются особенности характера подростка и его привычки: Вертолет-

болтун; статус в группе: Граф, Барон, Король – у лидера и "чудик, шестерка" – противоположная позиция и т.д. Воспитатель, зная эти особенности, должен не просто принять к сведению информацию, скрывающуюся за кличкой, но и объяснить пагубность их использования.

Следующая группа – символы, объединенные предметным (атрибутивным) способом выражения их содержания. К ней можно отнести флаги и штандарты, книги, ставшие своеобразными "символами веры". Неожиданно появившийся кельтский крест на руке у подростка, неподдельная заинтересованность идеями книги "Main Kampf" – все это сигналы для думающего, внимательного взрослого.

Третью группу представляют символы, выражающиеся в одежде, причёске, макияже. Повышенное внимание к внешнему виду – подтверждение потребности в поиске и выражении собственной идентичности. С помощью одежды подросток может сообщить окружающим о том, какую роль он хочет играть в жизни – самостоятельность и конформизм. Так, например, движение панков возникло как протест против богатства, коррупции в стране, буржуазных предрассудков. Поэтому панки носили наряды, которые были чужды богатым людям, одевались с рассчитанным эффектом эпатажа. Вызывающие причёски (петушиный гребень, чуб), одежда (на голом теле кожаный пиджак, холщовая ткань на тонкой рубашке с жабо), серьги на лице и в ушах. Культ нечистоплотности во всем.

Милитаристская одежда, солдатские ботинки и нацистские символы у бонхедов связаны с их идеологией и культом силы, который они провозглашают.

"Одеваться неброско и как все", – лозунг молодых гопников. Среди гопников самый большой процент совершения противоправных действий и преступлений, так что, в случае чего, можно легко скрыться в толпе. Их одежда, купленная, как правило, на каком-нибудь из городских рынков (в основном, все гопники выходцы из "спальных" районов и рабочих кварталов, поэтому они не всегда имеют достаточных средств чтобы покупать одежду в магазинах), не отличается оригинальностью: обычно это черные или темные джинсы, кожаные куртки и одинаковые шапочки в холодный сезон.

Одежда хиппи – это целая история, корни которой уходят в конец шестидесятых, когда первые хиппи и пацифисты, только формируя общественное движение, выходили на манифестации в солдатских шинелях, расшитых цветочками или в бесформенных пестрых балахонах с цветами в волосах. Смысл этого "прикида" – протест против войны (в данном случае, во Вьетнаме). Провозгласив основой своего мировоззрения пацифизм, они объявили себя "детьми цветов" – вот откуда такая безграничная любовь к пестрым и ярким тканям и цветам. Еще одна особенность одежды хиппи – ее поношенность, одежда не должна быть дорогой и шикарной. Так хиппи выражают свое презрение к материальным ценностям, делая акцент на внутренней духовной стороне человеческого бытия, на содержании, а не на форме.

Поэтому и внешний вид играет важную роль в расшифровке таинственного мира субкультуры.

Символы последней группы – символы музыкальные, объединяющие мелодии и песни. Как правило, музыкальные символы используются в ритуалах.

Нужно отметить близость этой группы символов к словесным в части фольклора и сохранения ценностной информации. Благодаря экспрессивности, связи с движениями и ритмом музыка позволяет молодым оформить и выразить эмоции, смутные переживания, которые невозможно передать словами.

Прослушав одну из песен группы "Otto Dix", которая называется "Расщепленный разум", понимаешь отношение и к жизни, и к смерти субкультуры готов. Прочитируем: *"Я не спал сотни лет. Я искал свой ответ. Жив ли я? Что со мной? Почему я такой? Жизнь отдашь. Страшный сон. Разум мой расщеплен. И у меня Я один. Почем, я не люблю? Не люблю???"*

Сколько вопросов. И, к сожалению, ответы на них отсутствуют.

Поэтому взрослым не просто необходимо слушать музыку их детей, но и попытаться понять слова и извлечь смысл, которые вкладывают подростки в текст песен. Ведь музыка, как

известно, может быть как мощнейшим орудием духовно-нравственного совершенствования, так и средством инфернально-демонического оболыщения подростка.

Особенно моден сегодня такой атрибут субкультуры как *татуировки*. Татуировка – нанесение на тело рисунков путем введения под кожу красящих веществ. Татуировка с древнейших времен служила не только украшением, но и являлась элементом инициации, ритуального посвящения юноши в мужчину. Сегодня она помимо эстетической функции выступает как знак принадлежности к определенной группе, субкультуре. Посредством татуировок тело подростка обретает знаковость. Так, для бонхедов характерны татуировки на плече и гладкой коже головы: изображение черепа или подобия свастики (паука), а также различные символы насилия.

Мы рассмотрели лишь некоторые атрибуты, признаки субкультуры как содержательного наполнения пространства детства. Необходимо не забывать, что субкультура молодежных объединений постоянно изменяется, включает новые атрибуты, характерные для культуры времени. Но если мы желаем понять, почему именно общению со сверстниками в стенах школы подросток предпочел ценности неформального объединения с загадочной субкультурой, мы должны в соответствии с идеями герменевтики не только знать признаки, атрибуты, но и понять их как некий "текст". Причем тексты, произведения культур, субкультур "требуют" от думающего взрослого особого метода – понимания, включающего в себя четыре акта [2]: 1) восприятие текста; 2) узнавание и понимание значений в данном языке; 3) узнавание и понимание контекста в данной культуре; 4) активное диалогическое понимание.

В то же время субкультура является целостным текстом и для самого подростка. Текстом, в котором он ищет ответы на собственные вопросы, подтверждение своим суждениям, опору для возникновения смыслов. Таким образом, чтобы понять отдельные проявления духовной активности воспитанника или сложные образования этой активности, необходимо раскрыть их смысл или значение, а это возможно только посредством интерпретации этих актов активности. Интерпретация в данном случае выступает как средство раскрытия смысла или придания смысла. Раскрытие, извлечение или обнаружение смысла имеет место тогда, когда воспитатель исходит из признания наличия смысла в тех или иных проявлениях жизни воспитанника и пытается этот смысл обнаружить, извлечь. Это означает, что он пытается понять эти жизненные проявления, исходя из них самих. Это очень важная особенность понимания, и придерживаться ее в процессе воспитания не так просто. Но для воспитателя это необходимо.

Если кратко выразить основную идею настоящей статьи, то она заключается в следующем. Мы достаточно образованы, мы достаточно повзрослели для того, чтобы сметь и уметь посмотреть на такое явление, как субкультура молодежных объединений с позиции понимания и интерпретации подростковых смыслов, для того, чтобы лучше узнать современную молодежь и найти оптимальные способы взаимодействия и со-бытия с ней. И в этом видится перспектива развития воспитания как в теории, так и в практике.

Литература

1. Бабурова И.В. Нравственные вершины человечества. Смоленск, 2005.
2. Викторова Л.Г. Диалоговая концепция культуры М.М.Бахтина - В.С. Библера [Электронный ресурс]. Сайт.: Режим доступа: <http://www.lib.sibstu.kts.ru/paradigma/1/6.htm>), свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
3. Воронов В.В. Технология воспитания. М., 2000.
4. Гойдова С. Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка.: автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2004.
5. Гуггенбуль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости. М., 2006.
6. Ионин Л.Г. Культура на переломе //Социологические исследования. 1995. № 2
7. Косарецкая С.В., Снягина И.Ю. О неформальных молодежных движениях. М., 2004.

8. Курчашова Т.В. Социодинамика субкультуры: сущность, атрибуты, социальные роли.: Дисс... канд. социол. наук. Тамбов, 2004.
9. Левикова С.И. Молодежная субкультура: учебное пособие. М., 2004.
10. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988.
11. Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. Ч. 1 - 2. Таллинн, 1992.
12. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы. 1986 - 1989 гг. [Электронный ресурс]. Сайт.: Режим доступа: [//http: subculture.narod.ru](http://subculture.narod.ru). Загл. с экрана. Яз. рус.